

Проанализированы основные положения советской концепции правосудия и практики ее реализации в период 1918 – 1920-гг. Рассмотрены практические аспекты реализации концепции в трех основных сферах: судостроительство, уголовное и гражданское судопроизводство. Сделан вывод о том, что после революции в России произошла трансформация институциональных форм взаимодействия политической власти и судов. Принцип независимости судей потерял практическое значение, сложилась политизированная правоприменительная практика в форме абсолютного следования политической доктрине и закулисный характер отправления правосудия. Советская модель правосудия соответствовала модели советского государства и определяющей ее функцией в этой модели была функция достижения политических целей государства правовыми средствами.

Ключевые слова: революция; теория права; политическая доктрина; судебная система; правоприменительная практика; судопроизводство; система наказания.

Виктор Васильевич Никулин, д-р ист. наук, профессор,
кафедра «Конституционное и административное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
viktor.nikulin@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ПРАВОСУДИЯ И ПРАКТИКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Любая революция означает качественное изменение всего общественного устройства, насильственную ломку старого во всех его проявлениях. «Революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Революция знаменует собой деформацию всей социальной структуры общества. Революция привносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах» [22, с. 269–270]. Революционные изменения носят системный характер и включают в себя два обязательных элемента: создание новой системы публичного управления и создание новой системы правовых отношений и институтов. Результатом становится коренное изменение институционального поля публичного управления и права страны, возникновение новой системы государственного управления и права, в том числе и новой судебной системы, построенной на принципиально новых концептуальных основах, отвечающих целям и идеалам революции.

Для того чтобы понять теоретический замысел, ставший основой создания советской судебной системы, необходимо обратиться к марксистской концепции права, исходным тезисом которой является признание классовой природы права. «...Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [13, с. 443]. Ленин, следуя классо-

вой логике, рассматривал право и его основное конкретное выражение – закон как неотъемлемое орудие классовой политики и его функцию, следовательно, диктатура пролетариата как определенная система власти, не может быть ограничена формальным законом [8, с. 383]. Таким образом, политика и право в трактовке Ленина, представляли собой единое и нераздельное целое. В этом суждении нет ничего, что выходило бы за рамки существовавших и ныне существующих теорий. Однако в ленинской связке «политика – право» роль права ограничивалась функцией облуживания политики, право в рамках публичной власти не обладало даже относительной внутренней автономией. Это был жестко утилитарно-политический подход к праву, который порождал специфическую систему правовых представлений и, как следствие, специфические правовые институты, коренным образом отличавшиеся от классических формально-юридических представлений об их сущности.

Концептуальные представления о роли и значении судов в новой системе правовых отношений исходили из общей концепции права. Принципиальное положение заключалось в отрицании принципа независимости суда и судей. Исходя из этого базового суждения, суды, по мнению В. И. Ленина, представляют собой органическую часть советской политической системы, призванные «бороться против эксплуататоров и обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся» [10, с. 197]. Жесткая увязка права, политики и государственной власти являлось важнейшим обстоятельством, самым непосредственным образом определявшим содержание концепции правосудия. В жесткой политико-государственной структуре место и роль суда права неизбежно становились политически прикладными.

Идея политически ангажированных судов последовательно развивалась советскими правоведами в послереволюционный период. Основная их задача состояла в переводе теоретических выкладок в реальный юридический механизм. В основе рассуждений о роли судов лежала идея о том, что право – лишь средство достижения конкретных целей революции, то есть объективное содержание права совпадало с революционной целесообразностью. Исходя из тождественности содержания права и революционной целесообразности, правосудие трактовалось как форма реализации революционной целесообразности. Логическим в этой концепции звучал вывод о том, что революционная целесообразность есть принцип и источник непосредственного правотворчества суда. Следовательно, суды, опираясь на социалистическое правосознание, должны при отправлении правосудия действовать, исходя из интересов пролетарской диктатуры и классовой борьбы. Например, А. В. Луначарский утверждал, что «революционный класс приносит с собой новое правосознание, предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в соответствии с новыми условиями жизни, несет новую судейскую совесть, новые представления о добре и зле» [12, с. 12]. Основное предназначение судов заключалось в том, чтобы быть «реальным оружием в руках государственной власти, исполнительным органом диктатуры пролетариата» [6, с. 150–151].

Со временем подход к трактовке права начинает меняться в сторону большей реалистичности и прагматичности в части нормативного обеспечения правосудия, хотя базовые представления не менялись. В частности, неизменным оставалось отрицание принципа несменяемости и независимости судей от государственных органов. «Наш закон отвергает принцип несменяемости и независимости судей от Советского государства. Зависимость суда от государства – это зависимость от общих целей и задач Советского государства, а не от чиновников местной власти» [7, с. 9].

В целом советская концепция правосудия строилась на едином теоретическом построении: насильственное переустройство мира, отрицание объективной природы и смысла права, правосудие как форма закрепления нового состояния власти. Можно констатировать, что догматически замкнутая политическая доктрина и концепция права породили организационные и правоприменительные основы советской судебной системы. Реализация этой концепции привела к долговременным негативным последствиям по двум основным направлениям: организационно судебная система, ставшая органической частью государственно-политической структуры, и жесткая политизация правосудия.

Организационные контуры новой судебной системы обозначились тремя декретами о суде. Каждый из этих законодательных актов имел свою специфику и направление. Нормативное содержание первого декрета было минимальным. Его главная задача, по выражению П. И. Стучки, заключалась в двух положениях: «разогнать старый суд и отменить все старые законы. И только» [23, с. 155]. Декреты о суде № 2 и № 3 были попыткой ликвидировать наиболее болезненные явления правосудия и создать работоспособную судебную систему, ввиду фактического отсутствия таковой. Декреты в полной мере выполнили лишь задачу разрушения прежней организационной структуры. Упразднялись должности административных судей и окружные суды, прокурорский надзор, институт судебных следователей, мировых судей, присяжной и частной адвокатуры. Институциональные поле и параметры судебной системы радикальным образом изменились. Законодательно закреплялось создание местных судов (общегражданских) и революционных трибуналов для рассмотрения уголовных дел о контрреволюционных посягательствах. Местные суды городов и районов становились основным звеном советской судебной системы, в компетенцию которых входило рассмотрение абсолютного большинства гражданских и уголовных дел (суды общей юрисдикции). Местные суды должны были избираться на основе прямых демократических выборов населением, а до их назначения – местными советами. Избираемость судей советами была не просто одной из множества послереволюционных новаций, а формой отказа от принципа несменяемости и независимости судей. Кассационными инстанциями для местных судов являлись уездные и столичные съезды местных судей.

К началу 1918 года процесс слома старой судебной системы был завершен. Однако созданная на волне революционного энтузиазма новая организационная структура была мало приспособлена к решению практических задач правосудия. Весной 1918 года Ленин констатировал неудачу

в реформировании судебной системы. «Наши революционные и народные суды невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как нечто казенно-чуждое» [10, с. 197]. Последовали новые организационные изменения. Декрет «О суде» № 2 восстанавливал окружные суды, правовой статус которых определялся как судебная инстанция для рассмотрения дел, превышающих подсудность местных народных судов. Для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов создавался областной суд, избираемый постоянными членами окружных судов. В целях достижения единообразия кассационной практики в Петрограде учреждался Верховный судебный контроль [18, ст. 420].

Однако нововведения в условиях гражданской войны так и не были реализованы. Окружные суды, в конечном итоге были упразднены из-за сложности и громоздкости судебной процедуры и нехватки кадров. Не были созданы и областные народные суды, и Верховный судебный контроль. Судебная система советской России к 1921 году представляла собой децентрализованную систему, которая была разрозненной сетью судов различных уровней с нечетко разграниченной компетенцией и включала в себя народные суды городов и районов, а также три системы революционных трибуналов: общие, военные и железнодорожные. Причем, все они представляли, по сути, самостоятельные системы, не зависящие друг от друга, что порождало неразбериху в подсудности того или иного дела и соответственно противоречия между различными судами. К тому же правом внесудебного решения дел была наделена ВЧК, которая проводила следствие и выносили постановления (приговор), заменяя, таким образом, следственные и судебные органы. Фактически в стране функционировали три системы судов: система общих судов, система революционных трибуналов и ВЧК, наделенная судебными функциями, не будучи, по сути, судами. Децентрализованная юстиция, созданная в революционную эпоху, в новых обстоятельствах не годилась, так как «из рук государственной власти выпал руль по управлению судебной политикой» [6, с. 204]. Необходима была принципиально иная конструкция судебной системы, основу которой составили бы единые, устойчивые суды с четко определенной компетенцией. Первоначальные проекты судебной реформы, предложенные наркоматом юстиции (НКЮ) сводились к постепенной ликвидации системы трибуналов и сохранению народного суда в качестве единственного судебного органа. Однако такой суд не отвечал интересам жестко централизованной власти и проект судебной реформы НКЮ, был отвергнут. Была реализована концепция судебной реформы, предложенная Н. В. Крыленко, который рассмотрел предельно простую, но жестко централизованную судебную систему, не признававшую «несменяемости судей, независимости судей и надклассового содержания их решений» [5, с. 4]. Теоретическую основу реформы составила концепция революционной законности, которая должна была обеспечить переход от революционного правосознания к нормативно-правовой системе с юридическими гарантиями и точным материальным и процессуальным правом, призванная решить стратегическую задачу – перейти от состояния хаоса в общественной жизни к ее регламентации на основе права.

Первыми мероприятиями стали объединение всех трибуналов в один – Верховный Трибунал при ВЦИК, ликвидация в феврале 1922 года ВЧК (вместо ее образовано ГПУ) и передача судам для судебного разбирательства и вынесения соответствующих решений всех дел, находившихся в стадии предварительного следствия, а также дел уже решенных, находившихся в производстве ВЧК и Революционных трибуналов. Однако реорганизация не избавила советскую судебную систему от главного ее порока – раздвоенности (трибуналы – народные суды). Единственным связующим звеном между ними оставались губернские отделы юстиции, на которые возлагалась обязанность обжалования оправдательных и неправосудных приговоров как народных судов, так и трибуналов. Необходима была принципиально иная конструкция судебной системы, которая реализовывалась бы в ходе судебной реформы 1922 года. Реформа проходила в условиях установившегося доминирования партийно-государственных начал: жесткой регламентации и контроля со стороны исполнительной власти и партийного аппарата. В таких условиях задача изменения форм судостроительства с позиции эффективного осуществления правосудия увязывалась с политической доктриной. Положение о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 года устанавливало трехзвенную систему: народные суды; губернские и Верховный суд РСФСР. Основным звеном судебной системы являлся районный народный суд. Областной (губернский) суд стал первой инстанцией по наиболее важным уголовным и гражданским делам и второй (кассационной) инстанцией – для народных судов. Верховный суд РСФСР стал первой инстанцией для дел особой государственной важности, кассационной инстанцией – для областных (губернских) судов. Это была внешняя сторона реформы, определяемая институциональной моделью судебных учреждений. Главное, на что необходимо обратить внимание, это внутреннее содержание реформы, определявшее роль и место суда в государственной системе. Идеология реформы строилась на четком проведении классового принципа, определявшего главную задачу судов как «осуществление воли пролетариата, применяя его декреты» [19, ст. 902]. В организационном смысле, безусловно, достигалась цель централизации системы судов и усиление партийно-государственного контроля над ними.

К 1924 году основные мероприятия реформы были завершены. В новой судебной модели губернский суд стал основным рычагом, при помощи которого центральные органы в области судебной власти – НКЮ и Верховный суд – наиболее легко и полно могли проводить и осуществлять необходимые директивы и руководство в сфере судебной политики. С этой целью была пересмотрена структура и функции губернского суда. В нем был выделен Пленум как основной руководящий орган с возложением на него ответственности за «надлежащее проведение и осуществление судебной политики» [16, с. 17]. В окончательном виде трехуровневая система получила оформление в 1928 году после завершения административного деления (область (край), округ, район).

Специфическая концептуальная основа породила и специфическое правосудие, опиравшееся также на специфический институт наказания.

В его основе лежал социологический подход к праву, когда «свои» социальные группы отделены от «чужих», враждебных, что вело к правовому неравенству, в частности, влияло на степень наказания обвиняемого. Именно такой подход был заложен в принятых в 1922–1923 гг. кодексах: уголовном; гражданском; уголовно-процессуальном; гражданско-процессуальном. Ярким проявлением социологического подхода являлся тезис о постоянной изменчивости пролетарского права, вытекающего из взаимоотношений между классовыми группами, что отличало его от буржуазного права. «В противоположность понятию буржуазного права, которое считает право постоянной мерой справедливости, право с точки зрения марксизма не является таковым, а есть классовая норма, которая вводится в действие классом, находящимся у власти» [3, д. 9, л. 76]. Неизбежным при таком жестко политически мотивированном подходе стало игнорирование принципа равноценности наказания, что в судебной практике выразилось в замене при определении меры наказания меры поступка классовой принадлежностью, причем второй фактор зачастую становился куда весомее, чем мера поступка. Это очевидно подчеркнуто в Уголовном кодексе 1922 года, который предписывает, что должен учесть суд, определяя наказание. Главный критерий – классовая принадлежность и мотивы преступления. Прослеживается очевидное стремление снизить меру наказания «своим классам». Суды, ориентировались на то, что прежние наказания будут применяться только к врагам советской власти, а к «своим» – штрафы, налоговые повинности и т.п. [24, ст. 24, 25].

Практика показала концептуальную и практическую несостоятельность классовой системы наказания. Основная масса преступлений совершалась «своими» – рабочими и крестьянами, основной контингент заключенных составляли опять же рабочие и крестьяне, что в принципе отрицало теорию определения правонарушения как «несвойственного» данной социальной группе. Тем не менее значительное количество преступников из «своих» классов руководством рассматривалось как прямое нарушение судами классового принципа. Многочисленные указания и инструкции требовали от судов неуклонного соблюдения классового принципа в «карательной политике». В циркуляре Верховного суда РСФСР от 22 декабря 1924 года разъяснялось, что «при рассмотрении уголовных дел, находящихся в производстве, необходимо учитывать следующие данные: социальное положение обвиняемого в момент преступления; социальное положение обвиняемого до революции». Приоритетным считалось социальное положение в момент совершения преступления, а затем уже социальное происхождение. Предлагалось широко применять ст. 28 УК (условное осуждение) к рабочим и трудовым крестьянам, совершившим преступление впервые [3, д.181, л. 25–26; д.376, л. 4].

В целом создавалась нормативная система увода от наказания определенных социальных групп. Суть ее заключалась в том, что при определенных критериях преступления не влекли за собой наказание или оно существенно снижалось. Основным правилом для судов стало непреложное требование: «Учитывать, кого он имеет перед собой, и назначать меру социальной защиты, исходя из признаков социальной принадлежности» [3, д. 376, л. 67].

При таком политическом понимании и идеологически мотивированном практическом подходе снижалось влияние фактора неизбежности наказания, что, в свою очередь, влияло на повышение преступности среди «своих классов», в рамках которых формировались устойчивые шаблоны негативного правового поведения и отношения к законности. В обществе налицо был конфликт социального поведения и классовой принадлежности.

Политическая ангажированность системы наказания проявлялась и в наличии в Уголовном кодексе норм, направленных на подавление инакомыслия, что свидетельствовало о стремлении власти закрепить монополию легальности жестким подавлением конкурирующих идеологий и политических платформ. Уголовный кодекс 1922 г. квалифицировал инакомыслие как «контрреволюционное преступление» и содержал 16 статей контрреволюционного состава преступления. Это был обширный спектр контрреволюционных деяний: от организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний до распространения ложных слухов или непроверенных сведений в контрреволюционных целях [24, ст. 58 – 73].

Уголовное законодательство 1920-х годов содержало серьезную правовую основу для вынесения судами жестких приговоров. Достаточно сказать, что и УК 1922 и 1926 гг. предусматривали применение высшей меры наказания – расстрела по большинству составов контрреволюционного преступления; УК 1922 года – по 11 статьям, УК 1926 г. – 10 статьям.

О существенном влиянии политических элементов на осуществление правосудия, свидетельствовала и сложившаяся практика директивного определения линии поведения судов, прокуратуры в отношении членов партии, совершивших преступление. Официальные базовые принципы были озвучены еще в 1920 году в инструктивном письме ЦК РКП(б) – «О двойной ответственности коммунистов за проступки», которое предусматривало двойную ответственность коммунистов: суду общегражданскому и суду партийному [14, с.9].

Однако впоследствии формальная жесткость документов в правовом отношении девальвируется. Постепенно выстраивается линия поведения судов и прокуратуры, заключающаяся в том, что возбуждение судебного преследования «ответственных работников» допустимо лишь в случаях крайней необходимости, после согласования вопроса с парторганами. В мае 1921 года принимается Циркуляр ЦК РКП(б) «О взаимоотношениях парткомов с судебными и следственными органами РСФСР, в случае возбуждения следствия или суда на члена партии». Самое примечательное в этом документе – это обязанность судебно-следственных органов учитывать мнение партийного комитета «о направлении на судебное рассмотрение и судебном решении по делу» работников-коммунистов [2, д. 320, л. 32]. Подобная обязанность значительно снижала возможности преследования коммунистов в судебном порядке. Последующие документы лишь в незначительных деталях меняли порядок привлечения коммунистов к ответственности, не меняя его главной сути – члены компартии в первую очередь ответственные работники, по сути, наделялись особым правовым статусом, и их привлечение к ответственности требовало особой процессуальной формы. Таким образом, сложилась система партийно-государст-

венного влияния на принятие судебных решений, при сохранении лишь формальной стороны независимости принятия судом решений.

Практическая подоплека «увода» партийцев от ответственности была утилитарна. С началом нэпа резко увеличилось число должностных преступлений со стороны членов партии – руководителей предприятий. Должностные преступления занимали почти 90 % всех уголовных дел, заведенных на ответственных работников. Большинство должностных преступлений носили злостный характер и шли по линии умышленного расхищения государственной и общественной собственности [2, д. 160, л. 1–2]. В условиях тяжелейшего положения с кадрами, руководство пыталось свести до минимума возможность привлечения руководителей к суду. Основной аргумент – преступления есть не результат злого умысла, а результат объективных причин (отсутствие опыта, влияние буржуазии и т. п.). Отсюда и большие убытки и даже разрушение хозяйства предприятия.

Политически мотивированные правовые стандарты, основанные на неофициальном праве, подрывали основы государства, порождали неверие в силу закона, вели к формированию массового и корпоративного негативного правосознания. У номенклатуры сложились свои правила поведения, существенным образом отличавшиеся от норм поведения рядовых граждан. В свою очередь, среди большинства населения рождалось неверие в справедливость и честность правосудия.

Очевидно, проявлялось влияние политической доктрины на судебную практику в сфере гражданского судопроизводства. Этот вопрос нами рассматривается во взаимосвязи с общей проблемой разработки целостной концепции правовой политики в условиях нэпа, связанной с определением основных задач юстиции в новых экономических условиях, что принципиально важно, поскольку позволяет выявить объективные факторы, определявшие судебную практику периода нэпа. Очевидно, что нэп противоречил целевым, базовым программным установкам большевиков. В этих условиях проблема для власти содержала конкретное политическое содержание и цель – найти оптимальное соотношение между экономической свободой и политической доктриной. Оптимальность виделась в модели государственного капитализма. Однако модель государственного капитализма оказалась трудно реализуемой. Государственный капитализм стремительно перерастал в частнособственнический. На XI Всероссийской партконференции эта тенденция была названа тревожной. «Какой уж там государственный капитализм?! Нарождается предпринимательский капитализм» [15, с. 114]. К 1924 году частный капитал держал под своим контролем уже две трети оптово-розничного товарооборота страны. Безо всякого преувеличения можно было говорить о рождении элементов паразитического, спекулятивно-бюрократического капитализма, не имевших ничего общего с теми образцами государственного капитализма, которые существовали в развитых капиталистических странах Европы. В этой ситуации только четкое политически выверенное правовое регулирование экономической жизни могло остановить нежелательные негативные процессы, которые могли привести к смене модели общественного устройства. Средство было найдено в мощной политической надстройке в сочета-

нии с правовой, которая бы позволяла юридически формально сдерживать частнокапиталистические устремления и обеспечивать «рост социализма».

Ленин определил политическую задачу юстиции в сфере экономики предельно точно: «...Обуздать, ограничить, контролировать, ловить на месте преступников, карать внушительно всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма» [9, с. 397]. Это был курс на ограничение свободы предпринимательской деятельности и гарантий частной собственности. В стратегическом плане это был вопрос соотношения политики, права и экономики, существенным образом влиявший на степень экономической свободы в рамках нэпа.

Таким образом, принципиальные основы понимания роли права, закона, правотворчества в обществе не менялись, смещались лишь акценты в понимании терминов. Законы и судебная практика по-прежнему ориентировались на выявление наиболее эффективного способа в конкретных условиях достижения экономических (стабилизация экономики) и политических целей (сохранение социалистической модели общественного устройства), причем вторая цель в большинстве случаев превалировала.

Концептуальные положения были закреплены в Гражданском кодексе (ГК) 1922 года. Стратегическая задача состояла в «полном обеспечении интересов пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать все без изъятия частные предприятия и отменять все договора и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящихся рабочей и крестьянской массы» [11, с. 401]. Политико-юридический смысл заключался в том, что все нормы гражданского законодательства должны быть соотнесены с политической доктриной и допустимы до тех пор, пока не противоречат партийным ценностям. Если они вступают в противоречие с этими нормами и ценностями, то они либо отрицаются, либо запрещаются и становятся наказуемыми вне зависимости от их полезности для общества.

В целом Гражданский кодекс исходил из наличия многоукладной экономики, товарно-денежных отношений. Но его политическая составляющая существенным образом ограничивала возможности частного предпринимательства путем активного вмешательства государства в имущественные отношения. Уже в первой статье ГК закреплялось одно из важнейших положений о том, что гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением [19, ст. 1]. Полный же смысл конкретизировался в статье 30 ГК, согласно которой сделка признавалась недействительной, если она совершена с целью противной закону, а равно ведущей к явному ущербу для государства [19, ст. 30]. Таким образом, закон не гарантировал предпринимателям стабильность гражданско-правовых отношений и возможность реально защитить свои имущественные права в суде, что самым непосредственным образом снижало активность физических лиц в гражданском обороте. Усугублялось положение судебной практикой, когда даже в основанных на законе и договоре имущественных интересах частных лиц суд всегда мог усмотреть проти-

воречие их социально-хозяйственному назначению и решить иск в пользу виновной государственной организации, предприятия.

По новому в кодексе трактовалось право собственности. Аксиома традиционного права – собственность неприкосновенна – отрицалась. В разъяснениях судам НКЮ проблема гарантии собственности представлялась следующим образом: «Мы не понимаем право собственности так, как мыслит буржуазия. Мы говорим, что мы сделали уступку, передали вещь во временное владение, но собственность в том смысле, как ее понимает буржуазное государство, мы не признаем. Эти уступки будут сняты, когда мы сможем оградиться от империалистического окружения» [1, д. 26, л. 81].

Исходя из концептуально политической предопределенности гражданского законодательства, суды не рассматривали право на собственность как безусловную. Оговорка, что принцип расширенного толкования права собственности допускался судами только в отдельном случае, на практике превратилась в его массовое и повсеместное применение. Широкое применение судами норм ГК началось только с 1923 года. Наибольшее количество рассматриваемых дел касалось договоров, что объяснимо, учитывая увеличение элементов свободных экономических отношений. Что же касается эффективности работы судов по гражданским делам, то она не превышала в целом 50 %. Отмена решений народных судов губернскими и областными судами составила 38,6 %. Причины – разрешение дел не на основании законов (уяснение не всех обстоятельств дела, недостаток доказательств) [17, с.55].

Подобное положение было следствием не только законодательных ограничений предпринимательской деятельности, но и следствием произвольно-политического толкования норм гражданского права судами, в основе которых лежала ориентация судов на классовый подход при разрешении гражданских дел, что означало приоритетное обеспечение «надежной защиты» имущественных интересов, во-первых, трудящихся и бедняков, во-вторых, государственных учреждений и хозяйственных коллективов (кооперативов).

Практическая сторона проблемы заключалась в том, что именно госучреждения и кооперативы получали преимущественную юридическую защиту. Так, иски кооперативов удовлетворялись в 83,4 % случаях, госучреждений в 77,2 %, частных в 56,4 %. Наименьший отказ в исках приходился опять же на госучреждения (13,6 %) и кооперативы (5,1 %) [3, д. 3469, л. 84]. Это подтверждает и статистика дел, где истцом с одной стороны являлись физические лица, а с другой госучреждения, кооперативы и частные предприятия. Иски физических лиц были удовлетворены на 46,1 %, отказы в исках составили 20 %. Иски же госучреждений и кооперативов были удовлетворены на 78,7 % [3, д. 3469, л. 84]. Можно с уверенностью утверждать, что частные предприниматели вели свои гражданские дела с меньшим успехом, чем госучреждения и кооперативы, чему, безусловно, способствовала политически ориентированное законодательство и судопроизводство.

В целом, очевидно, что суды при рассмотрении гражданских дел стремились действовать в соответствии с политическими установками, чему способствовала политически ангажированное гражданское законодательство, предоставлявшее судьям право широкого толкование гражданского кодекса, что неизбежно вело к тенденциозности судебных решений. Суды игнорировали принцип равноценности наказания, когда решения принимались в пользу рабочих и бедняков, несмотря на фактическое содержание дел. Частных предпринимателей судили по многочисленным поводам, приговоры в отношении них отличались жесткостью и необоснованностью, а в отношении рабочих и бедняков – мягкостью и снисходительностью. Суды действовали по простому принципу: «Если рабочий, то принимать во внимание. Крестьянин тоже. Нэпман чуть чихнет, его в суд» [4, д. 22, л. 73].

Судьи в такой системе прямо или опосредствованно всегда выступали как члены партии, связанные партийной дисциплиной. Поэтому судья не руководствовался в принятии решения сохранением пользы, выгоды, целесообразности даже в таких утилитарных делах, как производство, обмен, торговля, прибыль и прирост, собственность, отношения собственности.

Ограничение гарантий частной собственности на средства производства, многочисленные ограничения и классовое содержание судебной практики по гражданским делам ограничивало частнопредпринимательскую деятельность и в пространстве и во времени, делало ее ненадежной, временной. Отсутствие же долгосрочной перспективы вело к боязни каких-либо экономических инициатив, незаинтересованности в расширении производства, хищениях, главной мотивацией которых было стремление успеть сорвать «куш, а там трава не расти».

Все-таки до 1927 г. можно проследить определенную последовательность в налаживании деятельности судов. Принимались необходимые регулирующие меры по их деятельности. В 1926 г. принимается «Положение о судостроительстве», в формальной части укрепившее независимость судов по осуществлению правосудия, ограничив вмешательство административных и иных органов в их деятельность. Оно еще раз подтвердило особый порядок досрочного отзыва судей на основании совместного решения НКЮ и соответствующего губернского, областного или краевого исполкомов. Положение наделило пленумы губернских, краевых, областных, окружных судов и Верховного суда РСФСР правом отстранять от должности судей, в отношении которых возбуждено дисциплинарное производство [21, ст. 624]. Однако формальные попытки усилить независимость судей в политически жестко мотивированной судебной системе оказались нежизнеспособными. Решительное наступление на капиталистические элементы, начавшееся в 1927 году, разрушили едва наметившуюся стабильность в деятельности судов. Политико-экономические кампании конца 1920-х годов вновь породили юридический абсурд. Одна кампания следовала за другой, в которые самым активным образом были вовлечены суды. В таких условиях невозможно было совместить принципы законности с принципами политической целесообразности. Широко распространяется представление о возможности, и даже необходимости

отступления от указаний закона при вынесении решений. На местах получили четко ориентированную политическую установку: «Мы действуем исходя не из закона, а исходя из политической или экономической целесообразности. Поэтому в случаях, когда суды не выполняли получаемые предписания, губисполкомы должны досрочно отзываться и накладывать партийные взыскания» [3, д. 1342, л.15]. В инструктивном письме № 1 Верховного суда РСФСР за 1927 год прямо указывалось, что «суд откровенно может пойти дальше, чем гласит буква закона, если это во имя интересов трудящихся и государства» [3, д. 13, л. 11].

Основным лозунгом работы судов становится установка: «минимум формы, максимум классового существа». В целях «повышения эффективности борьбы с капиталистическими элементами» некоторые категории гражданских дел из ведения судебных органов были изъяты, что фактически означало возвращение к «трибунальной» форме осуществления правосудия. Судам и прокуратуре предоставлялись неограниченные возможности вынесения решений, что создавало условия для принятия неправовых судебных решений, лежавших вне права. Форма правосудия свелась к «классовому судебному упрощенчеству», суть которого состояла в замене права политическими установками, при этом конкретное юридическое содержание рассматриваемого дела фактически отсутствовало, поскольку фактические обстоятельства дела судами не рассматривались, а принималось решение, основанное исключительно на политических установках. Судьи в таких условиях выступали безгласными статистами, а суды теряли статус особых государственных органов по осуществлению правосудия.

Анализ теоретических представлений и выстроенной на их основе практики отправления правосудия позволяет прийти к нескольким принципиальным выводам. Во-первых, в период от начала российской революции и до конца 1920-х гг. произошла трансформация институциональных форм взаимодействия политической власти и судов. Суды были организационно включены в однопартийную политическую систему, что привело к подчинению судей административно-партийному аппарату и деформации судопроизводства в сфере уголовного и гражданского судопроизводства. Трансформация закончилась в конце 1920-х годов, когда судопроизводство приобрело откровенно политический характер, а право на судебную защиту стало привилегией государства, а не гражданина.

Во-вторых, принцип независимости судей потерял практическое значение. Судьи в сложившемся политико-правовом симбиозе были сведены до положения партийных функционеров, прямо или опосредствованно выступали как члены партии, связанные партийной дисциплиной. Партийный статус не позволял судье руководствоваться при принятии решения категориями справедливости, следования закону и т.д. Судьи руководствовались четкими установками – все правовые категории подчинены партийным нормам и допустимы до тех пор, пока не противоречат партийным ценностям. Если они вступают в противоречие с этими нормами и ценностями, то они, либо отрицаются, либо запрещаются.

В-третьих, существенным элементом системы наказания стал юридический софизм, когда на основе теоретико-политических уловок опре-

деленные социальные группы получали юридические привилегии и льготы, что вело к искажению принципа равноценности наказания.

В-четвертых, принципиальные основы осуществления правосудия в 1920-е годы формировались под воздействием двух основных доктрин. С одной стороны, доктрины, выраженной в программе построения пролетарского государства. Ограниченный рамками доктрины, суд был институтом однопартийной системы и решал задачу правового давления на «классово-чуждые элементы». С другой, – суд, безусловно, оказывался под воздействием доктрины, сформулированной идеологией нэпа, и был вынужден принимать решения в рамках этой идеологии. В результате в 1920-е годы возник определенный диссонанс между политической догмой и необходимостью юридически обеспечить соблюдение экономических параметров нэпа. Поэтому суды находились в двойственном положении, стремясь одновременно обеспечить реализацию двух взаимоисключающих начал: экономической целесообразности и политической необходимости. В конечном итоге конфликт между экономико-юридическим содержанием нэпа и политической доктриной в 1920-е годы так и не был разрешен, что привело к ликвидации нэпа.

В-пятых, сложилась политизированная правоприменительная практика в форме абсолютного следования политической доктрине и закулисный характер отправления «правосудия», посредством секретных инструкций, директив, циркуляров и т.п., хотя формально закон уравнивал всех в правах. Государство не выполняло своей прямой обязанности «доставить правосудие населению» [25, с.145], следовательно, суды не могли быть основным способом защиты прав и законных интересов граждан.

В-шестых, советская модель правосудия в определении ее задач, принципов судостроительства и функционирования, осуществления карательной политики соответствовала модели советского государства. Определяющей ее функцией в этой модели была функция реализации политической доктрины юридическими средствами и охранительная функция системы.

В целом можно утверждать, что вплоть до конца 1920-х годов так и не удалось создать достаточно эффективную модель правосудия, которая бы адекватно отвечала экономическим и общественным потребностям страны. Более того, заложенные в этот период принципы и формы функционирования правосудия имели долговременный характер и в своих базовых положениях, несмотря на известные впоследствии модификации, оставались неизменными. Система была эффективной как политическая юстиция, но не как гражданская. Причиной тому был узкодогматический теоретический базис, порождавший и юридический догматизм. Прямое социальное следствие – дистанционное отношение между властью, правом и законом и основной частью населения. Право, закон народом олицетворяются исключительно с властью, они не видели в них способ защиты своих интересов и прав. Отсюда формирование негативного отношения к праву и закону, в основе которого утрата морального престижа правовых норм, которые в условиях диктата политики деградировали и свелись к статусу средства, формально-юридического оформления социального порядка.

Радикальные послеоктябрьские организационные и законодательные преобразования представляли собой классический пример действительно революционных преобразований всей системы правосудия. Произошла трансформация институциональных форм взаимодействия политической власти и судов. Организационно суды стали неотъемлемой частью государственно-политического механизма, представляя собой систему судов, контролируемых из одного центра и решавших задачу реализации политической целесообразности как категории правосудия.

Список литературы

1. **Государственный** архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1.
2. **Государственный** архив общественно-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
3. **Государственный** архив Тамбовской области (ГАТО). Оп. 1. Д. 524.
4. ГАТО. Оп. 1. Д. 655.
5. **Крыленко Н. В.** Реформа судостройства // Еженедельник советской юстиции (ЕСЮ). 1922. № 27–28.
6. **Крыленко Н. В.** Судостройство РСФСР (лекции по теории и истории судостройства). М.: Юридическое изд-во НКЮ, 1924. 410 с.
7. **Лаговнер Н.** Народный суд. Лекции заочных курсов советского строительства. М., 1930. 37с.
8. **Ленин В. И.** К истории вопроса о диктатуре // Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1981. Т. 41. 696 с.
9. **Ленин В. И.** О задачах Наркомюста в условиях нэпа // Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1970. Т. 44. 725 с.
10. **Ленин В. И.** Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1969. Т. 36. 741 с.
11. **Ленин В. И.** Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о Гражданском кодексе РСФСР // Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1970. Т. 44. 725 с.
12. **Луначарский А. В.** Революция и суд // Материалы НКЮ. М., 1918. № 2. 519 с.
13. **Маркс К., Энгельс Ф.** Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. Т. 4. 615 с.
14. **О двойной** ответственности коммунистов за проступки // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1.
15. **Одиннадцатая** конференция РКП(б): стенографический отчет. М.: Госиздат, 1922. 210 с.
16. **Основные** итоги работы губернских (областных) судов и Народных судов РСФСР в 1924 г. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1925. 222 с.
17. **Сводный** отчет о деятельности губернских, областных и краевых судов и подведомственных им судебнo-следственных учреждений за 1924 г. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1925. 125 с.
18. **Собрание** узаконений РСФСР. 1918. № 26.
19. **Собрание** узаконений РСФСР. 1922. № 71.
20. **Собрание** узаконений РСФСР. 1922. № 69.
21. **Собрание** узаконений РСФСР. 1926. № 85.
22. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

23. **Стучка П. И.** 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст. (1917 – 1930). М.: Госюриздат, 1931. 336 с.
24. **Уголовный кодекс РСФСР 1922 года.** М.: Изд. коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1923. 121 с.
25. **Фойницкий И. Я.** Курс уголовного судопроизводства. СПб.: АЛЬФА, 1996. Т. 1. 552 с.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti (GAOPIVO)* [The State Archives of the Social and Political History of the Voronezh Region (GAOPIVO)], fund 1, inventory 1. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Tambovskoi oblasti (GASPIVO)* [State Archive of Social and Political History of Tambov Region (GASPIVO)], fund 840, inventory 1. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti (GATO)* [The State Archives of the Tambov Region (GATO)], 524. (In Russ.)
4. *GATO*. inventory 1, case 655. (In Russ.)
5. **Krylenko N.V.** [Reform of the judiciary], *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii (ESYu)* [The Weekly of Soviet Justice (EUU)], 1922, no. 27-28. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Krylenko N.V.** *Sudoustroistvo RSFSR (leksii po teorii i istorii sudoustroistva)*. [Shipbuilding of the RSFSR (lectures on the theory and history of the judiciary)], Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu, 1924, 410 p. (In Russ.)
7. **Lagovner N.** *Narodnyi sud. Lektsii zaochnykh kursov sovetskogo stroitel'stva* [The People's Court. Lectures of correspondence courses of Soviet construction], Moscow, 1930, 37 p. (In Russ.)
8. **Lenin V.I.** [To the history of the question of the dictatorship] *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1981, vol. 41, 696 p. (In Russ.)
9. **Lenin V.I.** [On the tasks of the People's Commissariat for NAPA], *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], Moscow: Gosudarstvennoe politicheskoi literatury, 1970, vol. 44, 725 p. (In Russ.)
10. **Lenin V.I.** [The next tasks of the Soviet government], *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], Moscow: Gosudarstvennoe politicheskoi literatury, 1969, vol. 36, 741 p. (In Russ.)
11. **Lenin V.I.** [Letter to the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) on the Civil Code of the RSFSR], *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], Moscow: Gosudarstvennoe politicheskoi literatury, 1970, vol. 44, 725 p. (In Russ.)
12. **Lunacharskii A.V.** [Revolution and the court], *Materialy NKYu* [Materials of the NKYu], Moscow, 1918, no. 2, 519 p. (In Russ., abstract in Eng.)
13. **Marks K., Engel's F.** *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, vol. 4, 615 p. (In Russ.)
14. **O dvoynoi otvetstvennosti kommunistov za prostupki** [On the Dual Responsibility of Communists for Misdeeds], *Izvestiya TsK KPSS*, 1991, no.1. (In Russ., abstract in Eng.)
15. **Odinnadtsataya konferentsiya RKP (b): Stenograficheskii otchet** [Eleventh Conference of the RCP (b): Verbatim report], Moscow: Gosizdat, 1922, 210 p. (In Russ.)
16. **Osnovnye itogi raboty gubernskikh (oblastnykh) sudov i Narodnykh sudov RSFSR v 1924 g** [The main results of the provincial (regional) courts and the People's

Courts of the RSFSR in 1924], Moscow: Izdatel'stvo NKYu RSFSR, 1925, 222 p. (In Russ.)

17. **Svodnyi otchet o deyatelnosti gubernskikh, oblastnykh i kraevykh sudov i podvedomstvennykh im sudebno – sledstvennykh uchrezhdenii za 1924 g** [Summary report on the activities of the provincial, regional and regional courts and the judicial and investigative institutions subordinate to them for the year 1924]. Moscow: Izdatel'stvo NKYu RSFSR, 1925, 125 p. (In Russ.)

18. **Sobranie uzakonenii RSFSR** [Collection of legal documents of the RSFSR], 1918, no. 26. (In Russ.)

19. **Sobranie uzakonenii RSFSR** [Collection of legal documents of the RSFSR], 1922, no. 71. (In Russ.)

20. **Sobranie uzakonenii RSFSR** [Collection of legal documents of the RSFSR], 1922, no. 69. (In Russ.)

21. **Sobranie uzakonenii RSFSR** [Collection of legal documents of the RSFSR], 1926, no. 85. (In Russ.)

22. **Sorokin P.A.** *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society], Moscow: Politizdat, 1992, 543 p. (In Russ.)

23. **Stuchka P.I.** *13 let bor'by za revolyutsionno-marksistskuyu teoriyu prava* [13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law], Moscow: Gosyurizdat, 1931, 336 p. (In Russ.)

24. **Ugolovnyi kodeks RSFSR 1922 goda** [The Criminal Code of the RSFSR of 1922], Moscow: Izdanie kollegii Verkhovnogo tribunala VTsIK, 1923, 121 p. (In Russ.)

25. **Foinitskii I.Ya.** *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Course of Criminal Justice], Saint Petersburg: AL'FA, 1996, vol. 1, 552 p. (In Russ.)

CONCEPTUAL PRINCIPLES OF THE SOVIET JUSTICE MODEL AND ITS PRACTICAL IMPLEMENTATION

V. V. Nikulin, *Doctor of History, Professor
of Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University;
victor.nikulin@mail.ru*

The main provisions of the Soviet concept of justice and the practice of its implementation in 1918 – 1920 are analyzed. The author examines practical aspects of the concept implementation in three main areas: judicial organization, criminal and civil legal proceedings. It is concluded that after the revolution in Russia, there was a transformation of the institutional forms of interaction between political power and the courts. The principle of judicial independence lost its practical significance; there was a politicized law enforcement practice in the form of absolute repetition of the political doctrine and underhand nature of justice. The Soviet model of justice corresponded to the model of the Soviet state and its defining function was the function of achieving the political goals of the state by legal means.

Keywords: revolution; theory of law; political doctrine; judicial system; law enforcement practice; legal proceedings; system of punishment.

© В. В. Никулин, 2017

Статья поступила в редакцию 01.11.2017